

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

О. И. Смирнова

ДВУГОРБЫЙ ВЕРБЛЮД НА СОГДИЙСКИХ МОНЕТАХ ¹

Бронзовые согдийские монеты, в том числе и тюрко-согдийские, постепенно накопившиеся в руках исследователей, обращают на себя внимание разнообразием типовых сюжетов и элементов, которые с трудом поддаются интерпретации. Предназначенная для торговых нужд местного рынка бронзовая монета оказывается вместе с тем как бы представителем своего города, его лицом и получает соответствующее оформление. В качестве новых местных монетных типов избираются преимущественно головы городских божеств — покровителей городских общин, их милостивых, реже — грозных охранителей (ср. скр. *šanta* и *krōdha*), или изображения священных животных, всегда агрессивных и гневных, очевидно, как и городские божества, выступавших в роли своеобразных городских оберегов — грозных охранителей города, его стражей.

Как те, так и другие изображения занимают лицевую сторону монет и воспроизводят преимущественно главных городских кумиров, фигуры которых находились в городских храмах или стояли на площадях. Об этом убедительно свидетельствуют параллели, обнаруживаемые среди среднеазиатских терракотовых статуэток, других археологических, а также письменных источников.

Изображения разъяренных животных скорее всего воспроизводили городскую эмблему, своеобразный герб города, принятый общиной в качестве монетного типа. В пользу последнего предположения свидетельствуют повторные возвращения к одним и тем же животным в нумизматике среднеазиатских городов раннего средневековья. Главными животными, прочно занявшими в согдийской нумизматике свое место, наиболее, так

¹ При подготовке этой статьи к печати, осуществлявшейся уже после смерти О. И. Смирновой, не могли быть использованы — по не зависящим от автора причинам — иллюстрации, приложенные к тексту. Вместо них в текст введены сноски на издания, в которых воспроизведены аналогичные монеты; эти работы в списке литературы взяты в угловые скобки. Несколько страниц публикуемой статьи были включены О. И. Смирновой в ее работу «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» (М., 1981, с. 28—30). Редакторы сборника благодарны доктору исторических наук Е. В. Зеймалю за помощь при подготовке статьи к печати.— *Примеч. ред.*

сказать, популярными, оказались лев (в разных трактовках), двугорбый верблюд, гневно ржущий конь и готовый к схватке олень, изображения которых наносились не только на монеты (становясь при этом самостоятельным их типом), но и на щиты знати в качестве геральдических символов, а также использовались как печати (в том числе частные и городские штампы).

Монеты с изображением двугорбого верблюда в согдийской нумизматике занимают особое место, являясь разновременными представителями двух ее основных нумизматических регионов — восточного и западного, в основном последнего, т. е. Бухарского оазиса, точнее, западной его части, ныне почти безжизненной пустыни, в середине которой сохранились остатки единственного города этого района — Варахши и древнейшего дворца правителей оазиса.

Согдийские монеты, лицевую сторону которых составляет изображение двугорбого верблюда, представлены двумя основными группами. Различные типы монет обеих групп отличаются оборотными сторонами (реверсами). На реверсах монет поздней группы находятся только надписи [8а, с. 312—313, табл. XXXIV, № 1366—1373], предшествующей — жертвенники раннесасанидского типа, иногда в сопровождении согдийской легенды [4а, с. 205, табл. V, 14, 15], но чаще без надписей [6а, рис. 20]. На монетах поздней группы [8а, табл. LXXVI, № 1366—1373] надписи выполнены полукурсивным восточносогдийским письмом (согдо-самаркандским), на монетах другой — ранней — раздельным западносогдийским (согдо-бухарским), представляющим особую линию развития арамейского письма в Средней Азии (в пределах Бухарского оазиса).

Обе монетные группы известны сравнительно давно по музейным собраниям, а в настоящее время они составляют значительную часть находок из Бухарского оазиса, в частности из Варахши и ее округи. Их находки в Восточном Согде значительно реже и представлены исключительно монетами поздней группы, т. е. второй по времени. Монет предшествующей группы, более ранней, с изображением верблюда и жертвенника вне пределов Западного Согда пока найдено не было, в то время как только в Варахше и ее окрестностях их зарегистрировано около 50 экземпляров (раскопки В. А. Шишкина). Но только две из них оказались с надписями.

На одном из двух типов монет восточносогдийского круга, наиболее многочисленных, надпись, занимающая аверс, состоит из слова, допускающего вариант чтения р'г — «объемная мера», то же, что греческое *χόρος* — «вместилище чего-либо». Надписи на них, содержащие согдийскую кальку титула тюркского верховного правителя, не оставляют сомнения в их принадлежности. На других монетах той же группы надпись, содержащая имя божества благоденствия (или удачи) Фарнбага (согд. *ϕη βηϕ*), обрамляет квадратный картуш в центре аверса. Характерный для них квадратный картуш в виде рамки с отя-

нутыми углами оказался таким же, как на тюрко-согдийских монетах Бухарского оазиса конца VII — начала VIII в., и сближает их по типу и по времени с последними.

Рельефное изображение верблюда на монетах поздней группы передано несколько схематично, в особенности на монетах круга тюрко-согдийских, на которых животное обращено головой вправо. Но, несмотря на схематичность рисунка, очевидно, что животное изображено в разъяренном состоянии, а не мирно вышагивающим, голова его высоко вскинута, хвост с характерной заканчивающей его кисточкой круто задран. Изображение двугорбого верблюда, но гораздо более реалистически переданное, представлено на аверсе монет западной (ранней) группы Бухарского оазиса, и оно, очевидно, воспроизводится на позднейших монетах, т. е. на монетах Восточного Согда, но уже в упрощенном виде.

Выполненное в совершенно иной технике изображение верблюда на западносогдийских монетах (бухарских) предельно живо передает образ агрессивного, рассвирепевшего животного с закинутой головой и круто вскинутым в гневе хвостом, густая и длинная шерсть свисает космами с его шеи. Поле оборотной стороны таких монет занимают варианты позднесогдийских жертвенников в виде колонки (или колонок) на двух- или трехступенчатой базе и такой же капителью, расширяющейся кверху, с пылающим на ней огнем. Большая часть таких монет надписей не имеет. Только на двух из них с обеих сторон жертвенника нанесены надписи согдо-бухарским письмом, определяющие их принадлежность. Надпись зеркальная, содержит вариант титула главы народа, уже известный нам по другим монетам оазиса.

Систематические находки таких монет на городище Варахши, и только на нем, и неоднократно встречающийся на других монетах того же круга в качестве дополнительного элемента монетного типа знак) = (позволили в свое время археологу В. А. Шишкину отнести с достаточной вероятностью всю группу в целом к Бухарскому оазису; содержание надписей на двух монетах теперь определяет бесспорную их принадлежность бухарским владыкам. По мнению В. А. Шишкина, эта группа, монеты которой связаны друг с другом изображением раннесасанидского жертвенника, близка к предшествующей по времени группе монет парфянского круга [9, с. 67]. Двухступенчатый жертвенник, изображенный на оборотной стороне анэпиграфных монет (т. е. монет без надписей), как считает тот же исследователь, по форме сходен с жертвенником на раннесасанидских монетах из Шапура (240—272) и до Нарсе включительно (293—302), тогда как другой — трехступенчатый — воспроизводит жертвенник, появляющийся на монетах Сасанидов позже, начиная с монет Пероза (457—484).

Это наблюдение позволяет хотя бы относительно датировать монеты и отнести те из них, на оборотной стороне которых на-

ходится двухступенчатый жертвенник, к наиболее ранним. В дальнейшем трехступенчатый жертвенник, заменивший собой двухступенчатый, уступает место надписям другим письмом (согдо-самаркандским), и создается новый тип монет с изображением двугорбого верблюда — эпиграфический. Изображение животного теряет, в свою очередь, такие реалистические черты, как, скажем, пряди шерсти, свисающие вдоль шеи. Еще более упрощенно и до некоторой степени искаженно передан тот же двугорбый верблюд, обращенный влево на монетах тюрко-согдийского круга.

Постоянно повторяющееся изображение двугорбого верблюда на монетах и других предметах говорит о том, что на бухарских монетах оно должно было воспроизводить гневный облик божественного животного, выступающего в качестве грозного охранителя и защитника города. В таком случае изображение верблюда являлось оберегом города, восходящим, быть может, к древнему тотему, и одновременно служило гербом города.

Предлагаемое объяснение изображений двугорбого верблюда на монетах подтверждается и тем, что этот мотив широко использовался в геральдической символике. Одно из изображений на щитке бронзового перстня из эрмитажной коллекции (отделение Средней Азии), найденного на Пенджикентском городище (Согд), почти идентично помещенному на согдийских монетах². Аналогичное изображение верблюда, идущего влево, имеется на щитке бронзовой печати с ручкой в виде двух конских (?) голов из известной коллекции Кастальского³; такое же находилось на печатке, оттиск которой сохранился на внутренней стороне венчика хума, обнаруженного среди фрагментов керамики из городища Мунчак-тепе, в Южном Таджикистане (Северная Бактрия)⁴. Особенно много таких изображений среди печатей в разных коллекциях, поступивших в свое время в Эрмитаж из Восточного Туркестана⁵. О том же говорит известное упоминание в китайских источниках соответствующего времени престола бухарского правителя «в виде верблюда»; престол этот имел, очевидно, форму, сходную с другими зооморфными средне- и центральноазиатскими престолами, опорами для которых, судя по сохранившимся изображениям, служили фигуры разных зверей и животных, превратившихся, по мнению

² Перстень (пол. шифр ТП-56-III—57) опубликован А. М. Беленицким [1, с. 96, 101, рис. 8]. Еще один бронзовый перстень, ложный (ТП-63-XVI—37), с изображением подобного верблюда, найден на том же городище в 1963 г.; он упомянут В. И. Распоповой [6, с. 154].

³ Гос. Эрмитаж, отд. Ср. Азии, шифр ГЛ-614.

⁴ Находку на Мунчак-тепе венчика хума с оттиском перстня опубликовал М. М. Дьяконов [3, с. 266; воспроизведение оттиска см. на обложке тома].

⁵ На круглом щитке одной из таких бронзовых печатей находится изображение двугорбого верблюда, идущего влево, — такое же, как на некоторых согдийских монетах (Гос. Эрмитаж, отд. Ср. Азии, шифр ГЛ-1194. Не опубликован).

В. А. Шишкина, в геральдические символы правителей. И действительно, на этих престолах изображены, по сути дела, правители, восседающие каждый на своем животном, т. е. так же, как иногда изображались на своих животных сами боги [5, с. 112, 113, рис. 57; ср. также с. 111, рис. 56]. Именно таким оказался открытый В. А. Шишкиным в росписи тронного зала Варахши престол бухарских владык, ножками которому служили золотые грифоны с верблюжьими головами [9, с. 159 и табл. XV].

Связь образа верблюда с мифологией известна. В Авесте, священной книге древних ираноязычных народов, верблюд выступает в качестве одного из зооморфных воплощений божества войны и победы Варатрагны (Веретрагны). Иллюстрацией к характеристике этого животного, данной ему в Авесте, как «бешено брыкающегося, лохматой шерстью людей одевающего», может смело служить его изображение на бухарских монетах, живо обрисовывающее рассвирепевшего, косматого верблюда, густая длинная шерсть которого свисает прядями с шеи.

Нет сомнения, что образ агрессивного, разъяренного верблюда составлял один из главных и устойчивых монетных типов в нумизматике Западного Согда в частности и в Средней Азии в целом, а равно, как известно, и за пределами последней — в Центральной Азии. Это лишний раз свидетельствует о немалом значении, которое имел верблюд в хозяйственной жизни страны и соответственно в ее мифологии [11]. Само его изображение на монетах можно толковать вне зависимости от типов их оборотной стороны как животное воплощение бога войны Варатрагны, т. е. именно так, как его поясняет Авеста. Храм этому божеству, как известно, стоял в Кеше, о чем говорят происходившие в храме моления, во время которых совершались жертвоприношения. Храм тому же божеству согласно жреческой традиции находился в древнем Самарканде — Мараканде античных авторов [10, с. 8].

Храма, посвященного ему, в пределах Бухарского оазиса неизвестно. Автор предполагает, что бронзовые или деревянные изображения двугорбого верблюда должны были стоять в общественных местах Бухары. Устойчивость изображения двугорбого верблюда на бухарских монетах, престол в виде такого же верблюда у бухарских владельцев поддерживают такое предположение и делают его более чем вероятным. Так, согласно известным сообщениям арабских географов, на самаркандской городской площади были поставлены деревянные скульптуры вздыбленных животных, в том числе и верблюдов. По словам Ибн Хордадбеха, животные «стоят друг против друга, будто состязаясь и желая вступить в бой» (см. [7, с. 106]). В этой же связи особое значение приобретает находка в окрестностях Самарканда отлитой из бронзы ноги верблюда от большого, почти в натуральную величину, его изображения [9, с. 201]. Где оно было установлено, точно неизвестно, но в том, что такое изображение стояло в Самарканде или его окрестностях, сомневаться не при-

ходится. То был грозный представитель Варатрагны — охранитель города. О бронзовой фигуре вздыбленного коня, стоявшей до начала VIII в. напротив зороастрийского храма на Амударье, сообщают китайские источники (см. [7, с. 104]).

В древнетюркских текстах упоминается название бактрийского, т. е. двугорбого, верблюда-самца «из породы titir (?)» [2, с. 564]. В тюркском эпосе сохранились следы почитания последнего, в особенности черного верблюда. Его название, как известно, входит компонентом в имена правителей династии Караханидов, первый представитель которых именовался Бугра Кара хахан (Черный хахан). Имя Бугра-хан носил один из правителей той же династии в Восточном Туркестане, другой — Сутук Бугра-хан и т. д. Но такие имена существовали и ранее. Так, в VII—VIII вв. в Средней Азии, т. е. примерно в то время, когда на согдийских монетах еще наносилось изображение этого животного, князьки Уструшаны носила аналогичные имена, которые нам удалось восстановить по китайским и арабским источникам. Имя одного из них было Черный Бугра (кит. Гэлапуло; др.-кит. Кала-букла), другого — Sutuk (?) Вуґгā (кит. Судупуло; др.-кит. Suo-luo b'uk-lâ) [8, с. 282]. О первом из них см. [9, с. 282].

Языковая принадлежность слова «бугра» неизвестна⁶. Одно очевидно: в тюркских текстах бугра — двугорбый верблюд-самец — является составной частью имен собственных, причем этот термин обозначает верблюда не в обычном состоянии, а распаленного, разбрызгивающего белую пену, яростного самца-производителя, готового к битве [2, с. 120, 564], именно такого, как он изображен на бухарских монетах. Разъяренного верблюда-самца, вероятно, имеет в виду Авеста, описывая одну из зоморфных ипостасей бога войны Варатрагны. Таким представляло себе, очевидно, грозного слугу божества войны население Согда в далеком прошлом.

Был ли нумизматический прототип у сюжета верблюда на бухарских монетах — вопрос особый. Наиболее близки к нему изображения двугорбого верблюда, идущего вправо, на одной из групп монет Каджула Кадфиза, первого кушанского царя, послужившие, в свою очередь, прототипом для так называемых «сино-кхароштийских» монет с верблюдом [4, с. 113, табл. рис. 1 и 2, с. 115, рис. 3 и 4]. Дальнейшее тщательное изучение тех и других позволит, очевидно, дать окончательный ответ на вопрос о значении изображения верблюда. Сами же по себе бронзовые бухарские монеты, как и ряд других согдийских мо-

⁶ Тюркское «кара» в титулатуре Караханидов обычно трактуется как «могущественный», а также «великий», что, исходя из основного значения слова, труднообъяснимо. В этой связи заслуживают внимания два названия магических камней у древних тюрков, один из которых именовался qaqa taš — «черный камень», или камень, связанный с Кайваном (т. е. с Сатурном) [2, с. 422, qaqa 1], а второй, отражающий связь с Юпитером, назывался qaqa kiš — «черная птица» [2, с. 424].

нет, представляют не изученный еще чудесный памятник микроискусства народов Средней Азии⁷.

Литература

1. Беленицкий А. М. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. IV. Сталинабад, 1959.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигара (Кобаднан) (1950—1951 гг.).— Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948—1950 гг. М.— Л., 1953.
4. Зеймаль Е. В. «Сино-кхароштийские» монеты.— Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
- <4а. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.>
5. Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
6. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1980.
- <6а. Ремпель Л. И. Фрагменты бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства).— Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.>
7. Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии.— Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
8. Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- <8а. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.>
9. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
10. A Catalogue of the Provincial Capitals of Ērānšahr: Pahlavi Texte, Version and Commentary by I. Markwart. Roma, 1931.
11. Roux Jean-Paul. Le chameau en Asie Central, son nom son élevage — sa place dans la mythologie.— Central Asiatic Journal. The Hague — Wiesbaden, 1959, vol. 5, № 1.

⁷ Некоторые дополнительные сведения источников, опущенные автором, см. [6а, с. 95—102].